

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

Муниципальный этап

10 класс

Аналитическое задание. Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста.

Тэцуро Куроянаги*

На станции

Посвящаю моему учителю СОСАКУ КОБАЯСИ

Когда поезд остановился на станции Дзиюгаока, по линии Оимати, мама взяла Тотто-тян за руку и повела к выходу. Прежде Тотто-тян никогда не ездила на электричке и поэтому не знала, что билет, который она бережно сжимала в ладошке, следует сдавать при выходе с перрона. Не желая расставаться с ним, она попросила контролера:

- Можно мне оставить этот билетик?
- Нет, нельзя, – ответил тот.

Он взял у Тотто-тян билет и бросил в ящик. Билетов там скопилась целая куча.

Тотто-тян показала на ящик:

- И это все ваше?
- Нет, они принадлежат железной дороге, – ответил контролер, продолжая отбирать билеты у выходящих пассажиров.

С нескрываемым сожалением Тотто-тян посмотрела на грудку бумажек:

– Вырасту, обязательно буду продавать билеты! Только теперь контролер взглянул на Тотто-тян:

– Да ну?! Вот и мой сынишка мечтает о том же. Будешь работать с ним вместе?

Тотто-тян отошла в сторонку. Отсюда можно рассмотреть контролера. Он был толстый и важный, в очках, но лицо доброе. Тотто-тян подбоченилась, раздумывая над его предложением.

* Тэцуро Куроянаги - популярная японская актриса и телеведущая, автор автобиографической книги «Тотто-тян, маленькая девочка у окна», в которой она описывает своё детство конца 30-х — начала 40-х годов XX века. В книге содержатся воспоминания автора об обучении в школе «Томоэ». Книга до сих пор входит в десятку самых успешных бестселлеров в послевоенной японской литературе. В Японии продано более 8 млн экземпляров книги. Она переведена на многие языки мира, опубликована более чем в 30 странах, только в Китае вышла тиражом более 6 млн. экземпляров. В Москве книга была опубликована в издательстве «Детская литература» в 1988 году, более не переиздавалась.

– Вообще-то можно... Надо подумать. А сейчас я ужасно спешу: мне сегодня в новую школу. – И Тотто-тян с криком ринулась к поджидавшей ее маме: – Я тоже буду продавать и проверять билеты!

Мама нисколько не удивилась и только заметила:

– А я-то думала, ты собираешься стать разведчицей.

Тотто-тян шагала, цепляясь за мамину руку, и размышляла: «Что же делать? До сих пор я и впрямь собиралась стать разведчицей. Но ведь иметь целый ящик билетов, как этот дяденька, тоже здорово!»

Тут Тотто-тян осенило. И она тут же выпалила:

– А я могу понарошку продавать билетки, а взаправду быть разведчицей. Хорошо, мам?

Мама промолчала. По правде говоря, ей было сейчас не до пустяков. Что, если Тотто-тян не примут в новую школу?.. Мамино красивое лицо, затененное полями украшенной маленькими цветочками фетровой шляпки, нахмурилось, и она огорченно взглянула на дочку.

Та подпрыгивала, о чем-то болтая сама с собой. Тотто-тян не ведала о маминых тревогах и, поймав ее взгляд, расхохоталась:

– А я передумала! Я буду уличным музыкантом! Почти с отчаянием мама сказала:

– Мы опаздываем. Нас ждет господин директор. Хватит болтать, пошли поживее.

Впереди замаячили школьные ворота.

Девочка у окна

Но прежде чем войти в ворота, надо объяснить, отчего так волновалась мама Тотто-тян. Дело в том, что дочку, едва поступившую в первый класс, уже успели исключить из школы. Представляете?!

Все это случилось на прошлой неделе. Классная руководительница Тотто-тян, молоденькая, миловидная, вызвала маму и заявила:

– Ваша дочь мешает детям заниматься. Я вынуждена просить вас перевести ее в другую школу. – Она вздохнула: – Я с ней просто замучилась...

Маме стало нехорошо. «Что же натворила дочка? – в ужасе подумала она. – Что-то тут не так!»

Моргая подкрашенными ресницами и то и дело поправляя короткие, по моде остриженные волосы, учительница, раздражаясь, рассказывала:

– Представьте себе хотя бы то, что за урок она успевает раз сто хлопнуть крышкой парты. Я сделала ей замечание, что открывать парту без необходимости нельзя. И что же? Она убирает все школьные принадлежности – от тетрадей и учебников до пенала – в парту и вынимает – каждую! – вещь по очереди. К примеру, класс пишет диктант. По азбуке. И вот ваша дочь открывает парту и достает тетрадь. При этом с грохотом хлопает крышкой. Потом снова открывает ее, лезет туда с головой, достает карандаш, чтобы написать первый слог, и, опять хлопнув крышкой, пишет «а». Пишет,

естественно, некрасиво, неправильно. Затем снова открывает парту – на сей раз за ластиком – достает его, закрывает, стирает, опять открывает, убирает ластик, захлопывает крышку. С такой быстротой – только руки мелькают. Это на первом знаке. На втором слоге история повторяется: крышка, тетрадь, карандаш, ластик, крышка. Даже в глазах рябит. И ведь не скажешь «Прекрати!», ведь действительно в каждом предмете есть необходимость!..

Учительница захлопала ресницами, словно заново увидев эту сцену.

А мама вдруг догадалась, в чем дело. Ведь в первый же день Тотто-тян, вернувшись из школы, захлебываясь, рассказала: «Мамочка, ты представляешь! Вот у нас дома ящики выдвигаются, а там у парты крышка. Ну, как у мусорного ящика, только гладкая, и туда можно прятать все-все. Знаешь, как здорово!»

Мама представила Тотто-тян, зачарованную «волшебным» ящиком, открывающую и закрывающую крышку, и подумала, что ничего ужасного в этом нет, постепенно ребенок привыкнет и все уладится. Но все же пообещала:

– Я поговорю с ней!

Но учительница вздохнула:

– Если бы только это! Мама даже смутилась.

– Едва я подумала: «Ну, слава богу, оставила парту в покое», – продолжала, повысив голос, учительница, – как ваша дочь посреди урока встает и идет.

– Идет? И куда же? – удивилась мама.

– К окну!

– К окну?! Зачем?

– Чтобы позвать уличных музыкантов! – в сердцах сказала учительница.

В общем, если все припоминать по порядку, то дело было так: оставив в покое парту, Тотто-тян встала и направилась к окну. «Пусть стоит, лишь бы было тихо», – с надеждой подумала учительница, но в этот самый момент Тотто-тян закричала: «Эй, музыканты!»

К полному удовлетворению Тотто-тян и на беду учительницы, классная комната была на первом этаже, окнами выходила на улицу. Лишь низенькая живая изгородь отгораживала школу от тротуара, поэтому из окна можно было разговаривать с кем угодно. Пестро одетая группа бродячих музыкантов немедленно откликнулась на ее зов и подошла поближе. Тотто-тян радостно оповестила: «Музыканты пришли!» Дети вскочили из-за парт и бросились к окну, а Тотто-тян попросила: «Поиграйте нам немножко».

Обычно музыканты, проходя мимо школы, приглушали звук, но уж тут, коль скоро их попросили, заиграли во всю силу. Настоящий концерт – заливается кларнет, гремит гонг, грохочет барабан, тренькает сямисэн. А учительница, стоя на кафедре, ждет, когда же будет конец, задаваясь вопросом, хватит ли у нее терпения.

Наконец музыканты удалились, и ученики возвратились на свои места. Все, кроме Тотто-тян. «Почему ты опять стоишь?» – спросила ее учительница, и она серьезно сказала: «А если другие музыканты придут? Надо же и с ними поговорить. А потом, вдруг эти вернутся, а никого нет – неловко получится».

– Надеюсь, вам понятно, что она срывает занятия?! – По ходу повествования учительница все более распалась, так что мама даже посочувствовала ей. – И плюс к тому...

Мама перепугалась:

– Как, еще что-то?

– Да! – раздраженно крикнула учительница. – Еще, и еще, и еще, всего и не перечесать! Иначе я бы не просила вас забрать ее! – Она перевела дух и посмотрела на маму: – Вчера она снова направляется к окну. Ну, думаю, опять высматривает уличных музыкантов, но продолжаю вести урок. Тут она громко спрашивает: «Эй, что вы там делаете?» С кафедры мне не видно, к кому это она обращается. А она опять: «Послушайте, что вы делаете?» И вижу, что смотрит она вовсе не на улицу, а куда-то вверх. Странно. Я стала ждать, не последует ли ответ. Тишина. А она все свое твердит: «Эй, чем вы занимаетесь?» В общем, урок срывается. Подхожу я к окну, смотрю. И что же вижу? Под самой крышей две ласточки вьют гнездо. Оказывается, это она с ласточками беседует! Я прекрасно понимаю детей и не считаю, что разговаривать с ласточками глупо. Но во время урока!..

Ну а это как вам понравится? На первом уроке рисования я предложила детям нарисовать государственный флаг. Все нарисовали как положено – красный круг на белом поле, и только одна ваша дочь принялась рисовать военно-морской флаг, вы знаете, с расходящимися лучами. «Ничего, пусть», – подумала я. И что же? Она намалевала его во весь лист, а затем ей вздумалось украсить его бахромой. Бахромой. Представляете?! Наверное, видела где-нибудь на знаменах. Ладно. Но стоило мне отвлечься на минуту, как она принялась чертить на парте – на бумаге ей места уже, видите ли, не хватает. Скрежет и скрежет желтым карандашом по дереву. Да так, что на парте остались здоровенные полосы! Сколько мы ни оттирали их потом, так и остались. К счастью, бахрома на флаге была только с трех сторон.

– Вы говорите, только с трех сторон?.. – с облегчением спросила вконец смутившаяся мама.

На что учительница устало, хотя и миролюбиво, ответила:

– С четвертой она нарисовала древко, поэтому зазубрины остались только с трех сторон.

«Все-таки только с трех сторон...» – приободрилась мама, но учительница медленно и отчетливо закончила:

– Правда, для древка на бумаге тоже не хватило места, и на парте появилась еще одна длинная царапина! – Она выпрямилась и ледяным тоном заключила: – Надеюсь, вы понимаете, что я при всем желании не могу

справиться с вашим ребенком? И не только я. Моя коллега из первого класса тоже недовольна ею.

Мама посмотрела на нее и твердо решила найти для Тотто-тян такую школу, где понимают, что ребенок есть ребенок, и где живая девочка не будет никому в тягость.

..И вот, обегав весь город, она нашла такую школу. Вот туда-то они теперь и направлялись.

Мама не рассказала Тотто-тян о том, что ее исключили: все равно не поймет, за какую провинность, еще и замкнется в себе. Об этом она расскажет дочке потом, когда та вырастет, а пока только спросила:

– Хочешь перейти в другую школу? Есть одна очень хорошая...

– Ладно... – протянула Тотто-тян после некоторого раздумья. – Только...

«Неужели догадалась?» – расстроилась мама. Но Тотто-тян бросилась к ней и весело спросила:

– А как ты думаешь, уличные музыканты будут туда приходить?

Новая школа

Тотто-тян остановилась как вкопанная: вот это да! Во дворе прежней школы были ворота как ворота – здоровенные железобетонные столбы с вывеской, на которой крупными иероглифами выведено название, здесь же ничего подобного: два самые обыкновенные деревца, самые что ни на есть настоящие, с зелеными листочками.

– Смотри-ка, ворота из земли растут! – удивилась Тотто-тян и потрогала шершавую кору. – Они будут расти и расти и перерастут телеграфный столб! – Чтобы разглядеть название школы, ей пришлось подойти поближе и наклонить голову набок, потому что ветер сорвал вывеску и теперь она висела криво. – Шко-ла То-мо-э, – прочитала она по складам и только хотела спросить, что такое «Томоэ», как вдруг увидела нечто невероятное.

Она даже присела на корточки и, раздвинув кустарник, росший у ворот, заглянула во двор. И глазам своим не поверила...

– Мама! Да это же взаправдашний поезд!

И действительно, во дворе стоял самый настоящий поезд – из шести порядком облупившихся вагонов. Это уму непостижимо – школа в поезде!

Окна вагонов ярко сверкали в лучах утреннего солнца. Но еще ярче сияли глаза Тотто-тян, девочки с розовыми щечками.

Понравилось

С воплем: «Давай скорее сядем в поезд!» – Тотто-тян бросилась к школе. Да так стремительно, что мама, когда-то игравшая в баскетбол и бегавшая побыстрее Тотто-тян, едва успела поймать дочку за юбку уже возле двери.

– Нельзя, – строго сказала она. – В поезде классы, а тебя еще не приняли в школу. Если тебе хочется сесть в этот поезд, надо сначала зайти к директору. Постарайся вести себя прилично. Если мы договоримся с ним, то ты будешь ходить в эту школу. Поняла?

Тотто-тян, конечно, огорчилась, что нельзя сесть в поезд тотчас же, но все-таки послушалась.

– Пойдем! – решительно сказала она и добавила: – Мне очень понравилась эта школа!

Маму так и подмывало заметить, что сейчас ее куда больше волнует другое – понравится ли Тотто-тян директору, – но она промолчала, отпустила юбку, взяла дочь за руку, и они направились в директорский кабинет.

В вагонах было тихо. Похоже, только что начался урок. Школьный двор был не очень велик, но утопал в зелени. Вместо обычного забора его окружала живая изгородь из кустарника и деревьев. Посреди двора была клумба, пестревшая красными и желтыми цветами.

Кабинет директора помещался не в поезде, а напротив ворот, в одноэтажном строении, к дверям полукругом вела лестница из семи ступенек.

Тотто-тян вырвала ладошку из маминой руки и взбежала по ступенькам. На самом верху она вдруг замерла и обернулась, так резко, что едва не столкнулась с мамой.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила та.

Она даже испугалась: а вдруг дочка передумала. Но Тотто-тян серьезно прошептала:

– А этот дядя, к которому мы идем, он, что ли, директор станции?

Мама была человеком терпеливым и к тому же с чувством юмора. Она наклонилась к Тотто-тян и спросила тоже шепотом:

– Почему ты так решила?

– Ну, ты говоришь – это директор, а у него столько вагонов... Значит, он работает на станции.

У Тотто-тян были веские основания для такого заявления. Школа в вагонах и в самом деле редкость. Но вступать в пререкания было некогда, и мама сказала:

– Спроси об этом у самого директора. И вот что еще я тебе скажу. Твой папа музыкант, у него несколько скрипок, но никому в голову не приходит называть его торговцем скрипками, верно?

– Верно, мамочка! – согласилась Тотто-тян и снова взяла маму за руку.

Директор школы

Когда Тотто-тян с мамой вошли в кабинет директора, из-за стола поднялся невысокий человек. Несколько передних зубов у него отсутствовали, шевелюра сильно поредела, но лицо было здоровое, моложавое. Широкоплечий, с сильными, крепкими руками. Изрядно поношенная тройка ладно сидела на нем.

Тотто-тян торопливо поклонилась и задорно спросила: – Вы кто? Директор или работаете на станции?

Мама ужаснулась, но, прежде чем она успела вмешаться, хозяин кабинета, смеясь, ответил:

– Я – директор школы!

Тотто-тян восторженно проговорила:

– Как здорово! Тогда у меня просьба: возьмите меня к себе учиться!

Директор предложил Тотто-тян сесть, а маме сказал:

– Вы можете возвращаться домой, а мы тут с Тотто-тян побеседуем.

Тотто-тян слегка приуныла, но очень быстро к ней пришло ощущение, что с этим человеком не пропадешь. Видимо, такое же чувство появилось и у мамы.

– Вы уж позаботьтесь о ней... Пожалуйста! – проговорила она и закрыла за собой дверь.

Директор придвинулся поближе, уселся напротив Тотто-тян и попросил:

– Ну, а теперь расскажи о себе! Говори, что хочешь.

– Все, что захочется?

Тотто-тян ужасно обрадовалась. Она опасалась, что ей придется отвечать на разные вопросы, а тут – говори, что вздумается. Она затараторила без умолку. Рассказывала довольно сбивчиво и не всегда по порядку, но очень старалась ничего не упустить. Ведь надо было не забыть:

О том, что поезд, на котором они сюда ехали, шел очень быстро.

О том, что она просила дяденьку контролера оставить ей билетик, а он не разрешил.

О том, что ее учительница в школе, куда она до сих пор ходила, очень красивая.

О том, что под крышей старой школы свили гнездо ласточки.

О том, что у нее дома есть коричневая собачка по имени Рокки, которая умеет подавать лапу, просит разрешения войти в дом, благодарит после обеда.

О том, что в детском саду она засовывала в рот ножницы и щелкала ими, а воспитательница сердилась и говорила: «Язык отрежешь!» – но ведь не отрезала же!

О том, что, когда у нее начинается насморк, она всегда шмыгает носом и мама за это ее ужасно ругает, тогда она спешит высморкаться.

О том, что папа замечательно плавает и даже умеет нырять.

Она говорила и говорила, а директор хохотал и, одобрительно кивая, спрашивал: «А что дальше?» Тотто-тян было приятно, что ее так внимательно слушают, и она болтала без остановки. Но наконец говорить стало не о чем. Она умолкла и задумалась: о чем бы еще рассказать. Заметив это, директор спросил:

– Может быть, еще что-нибудь припомнишь? Тотто-тян подумала: очень жаль, если все на этом закончится, когда еще будет такой удобный случай поговорить с внимательным человеком. Она лихорадочно соображала, что бы еще сказать, и тут ее осенило: платье! Обычно мама шила для дочки сама, но сегодня одела в покупное. Как-то так получалось, что Тотто-тян едва ли не каждый вечер возвращалась домой в изодранной одежде. Почему так

происходило, мама никак не могла понять... Об этом она и поведала директору, прибавив, что обожает лазать в чужой двор через ограду или бегать на пустырь, огороженный колючей проволокой. Потому-то, сообщила она, сегодня утром ни одно из сшитых мамочкой красивых платьев не годилось, вот и пришлось надеть это, трикотажное, купленное в магазине. Оно тоже недурно, в мелкую клеточку, ярко-красное с серым. Только вот маме не нравятся вышитые на воротнике красные цветочки, «аляповаты», сказала она. Именно об этом вспомнила Тотто-тян. Вскочив со стула, она ухватила за воротничок:

– Вот, воротник не нравится маме! – И больше уже ничего не могла придумать.

Тогда директор встал и, положив ей на головку большую теплую ладонь, проговорил:

– Ну, с сегодняшнего дня ты ученица нашей школы. Тотто-тян захлестнуло счастье. Она никогда в жизни не встречала такого чудесного человека. Ведь до сих пор никто не слушал ее так долго. И ни разу он не зевнул от скуки, и видно было, что слушать ему так же интересно, как ей рассказывать.

Тогда Тотто-тян еще не умела считать время, но все равно разговор показался ей долгим. А как бы она удивилась, если б знала, сколько они проговорили! И была бы еще больше благодарна директору... Ведь мама привела Тотто-тян в школу к восьми утра, а когда та замолчала, директор вынул из кармана часы и сказал: «Пожалуй, пора обедать». Получается, что он слушал Тотто-тян целых четыре часа!

Никогда – ни раньше, ни потом – никто из взрослых не уделял ей столько времени. Можно представить себе, как бы удивилась мама или учительница в старой школе, узнав, что она, первоклашка, могла без передышки о чем-то говорить четыре часа подряд.

Конечно, Тотто-тян не представляла даже, что исключена из старой школы и ее близкие не знают, что с ней делать дальше. Живая и немного рассеянная, она представлялась многим простодушным, наивным ребенком, но в глубине души смутно ощущала свою отчужденность, чувствовала, что взрослые относятся к ней иначе, чем к другим детям, – с каким-то холодком. Но вот с директором ей было спокойно и хорошо. «С таким человеком никогда не надоест», – думала Тотто-тян о Сосаку Кобаяси в день их первой встречи. К счастью, такое же впечатление о новой ученице сложилось и у директора.

Ах, как же я в детстве любил поезда,
Таинственно-праздничные, зелёные,
Весёлые, шумные, запылённые,
Спешащие вечно туда-сюда!

Взрослые странны порой бывают.
Они по возможности (вот смешно!)
Верхние полки не занимают,
Откуда так славно смотреть в окно!

Не любят, увы, просыпаться рано,
Не выскочат где-то за пирожком
И не летают, как обезьяны,
С полки на полку одним прыжком.

В скучнейших беседах отводят души,
Ворчат и журят тебя всякий час
И чуть ли не в страхе глядят на груши,
На воблу, на семечки и на квас.

О, как же я в детстве любил поезда
За смех, за особенный чай в стакане,
За то, что в квадрате окна всегда
Прносятся кадры, как на экране.

За рокот колёс, что в ночную пору
Баюкают ласковой соловья,
За скорость, что парусом горбит штору,
За все неизведанные края.

Любил за тоску на глухом полустанке:
Шлагбаум, два домика под дождём,
Девчонка худенькая с ведром,
Небо, хмурое спозаранку.

Сток сена, просёлок в лесной глуши...
И вдруг как-то сладко вздохнёшь всей грудью,
С наивною грустью, но от души:
Неужто же вечно живут здесь люди?!

Любил поезда я за непокой,
За вспышки радости и прощанья,

За трепет вечного ожидания
И словно крылья бы за спиной!

Но годы мелькнули быстрее, чем шпалы,
И сердце, как прежде, чудес не ждёт.
Не то поездов уже тех не стало,
Не то это я уж теперь не тот...

Но те волшебные поезда
Умчались. И, кажется, навсегда...

Творческое задание.

Известный итальянский философ и писатель Умберто Эко в эссе «О литературе» отмечает: «Сейчас мы спорим о будущем электронных книг, которые позволят нам читать хоть сборник анекдотов, хоть «Божественную комедию» на жидкокристаллическом экранчике. Сразу оговорюсь: я не собираюсь сейчас вдаваться в сложную дискуссию об электронных книгах. Естественно, я принадлежу к той категории читателей, которые предпочитают роман или стихотворение в бумажном томе и помнят, какой у него корешок и объем. Мне доводилось слышать, что в последнее время выросло поколение компьютерщиков, которые за всю свою жизнь ни одной книжки не прочли, но с появлением *e-books* хоть немного приблизились к читающему миру и узнали, например, кто такой Дон Кихот. Конечно, они приобрели новое знание, но ухудшили зрение. А если грядущие поколения обретут гармонию (психологический и физический баланс) с электронной книгой, власть «Дон Кихота» останется неизменной».

В рамках творческого задания олимпиады поразмышляйте над следующими вопросами: «Власть какой книги именно вы считаете неизменной? Какой читательский выбор для «электронного чтения» вы бы сделали, если бы делились своими размышлениями о литературе, как делает это Умберто Эко?».

Постройте и запишите своё размышление в форме **выступления в дискуссии со своими ровесниками**.

Не забудьте аргументировать свою позицию, привести конкретные примеры (явления, факты, ситуации и пр.), выявить или обозначить по возможности литературные или иные параллели. Обратите внимание, что речь должна идти об **ОДНОЙ** книге (или об **ОДНОМ** произведении).